Н.Л. Пушкарева

Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье

Тема настоящей статьи касается русской крестьянской семьи как локуса (места) конструирования гендерных стереотипов и гендерной асимметрии, иными словами – неравенства распределения социально-половых ролей и путей его преодоления в условиях модернизации[1].

Три группы гендерных стереотипов

Существующие в обществе и культуре гендерные стереотипы в известном смысле определяют направленность, цели и задачи воспитания. Исследователи выделяют три группы гендерных стереотипов[2]:

П е р в а я – это *стереотипы «мужественности» и «женственности»*. Это эталоны, или, точнее, нормативные представления о том, какими психическими и поведенческими свойствами обладают (или должны обладать!) мужчины и женщины. Мужчина, согласно стереотипу мужественности, олицетворяет творческое начало, а женщина – репродуктивное. Мужчина – активен, женщина – пассивна. Можно привести и негативные черты, присущие «типичным мужчинам» и «типичным женщинам»: типично-отрицательными качествами мужчины признается обычно грубость, авторитаризм, а типично-отрицательными качествами женщины – плаксивость, болтливость, неуживчивость[3]. Причем во все эпохи, во всех культурах – это вряд ли кто-то возьмется отрицать – мужчинам приписывалось больше положительных качеств, нежели женщинам[4].

Вторая группа гендерных стереотипов *закрепляет семейные и профессиональные роли в соответствии с полом. Половые роли* – существующие в обществе стереотипы мужественного и женственного поведения, это некие присущие им представления и ожидания, которым каждый человек должен соответствовать, чтобы быть принятым и понятым человеком другого пола[5]. Гендерные роли всегда нормативны[6].

Для женщин главными социально-половыми ролями – в соответствии со стереотипом – являются роли семейные (мать и воспитательница, хозяйка), для мужчин – профессиональные. Успешность мужчины – согласно стереотипному восприятию его – оценивается по его профессиональным успехам, женщины – по наличию семьи и детей.

Эта группа гендерных стереотипов – как раз и составляет основу бытового мнения о том, что «нормальная» женщина хочет (должна хотеть!) выйти замуж, иметь детей и что все иные интересы, которые она может иметь, являются вторичными по отношению к этой ее семейной роли. Женщин, которые не хотят выходить замуж и иметь детей, стереотип предписывает нам воспринимать как «ненормальных», «странных». Аналогичным образом, и мужчин, отказывающихся от выполнения их гендерной роли («профессионалов», «глав семей») и согласных заниматься *вместо этого* женской работой (готовка, стирка, воспитание детей), стереотип заставляет нас оценивать как по меньшей мере «необычных».

Третья группа гендерных стереотипов *связана с различиями в содержании труда*. Согласно концепции так называемой «естественной дополнительности полов», удел женщин – это исполнительский и обслуживающий характер труда (экспрессивная сфера социальной жизни), а область деятельности мужчин – это творческий, созидательный, руководящий труд (инструментальная сфера социальной жизни)[7].

Предпочтительность мужского пола перед женским в традиционной крестьянской семье: «Мальчик на подмогу, девочка на потеху»

Если приглядеться к совокупности русских народных традиций, обрядов и ритуалов, связанных с рождением и воспитанием детей, можно сделать вывод о том, что внешнее педагогическое воздействие ребенок мог испытывать еще… до рождения! Ведь постоянному внешнему педагогическому воздействию подвергалась его будущая мать, которой предстояло стать как раз первым воспитателем для новорожденного. Народная традиция предписывала ей ожидать прежде всего рождения мальчиков и считать появление на свет сына более предпочтительным, чем рождение дочери. Причины такого предпочтения в крестьянской народной культуре объяснялись экономически: мальчик, выросши и женившись, приводил в дом невестку, которая пополняла число рабочих рук в многопоколенной неразделенной крестьянской семье. Рождение же девочки означало, что ее в будущем придется выдать замуж – то есть отдать рабочие руки в другую семью, обеспечив к тому же при свадьбе приданым. Отсюда и русские поговорки: «*Дочка – чужая скотинка*», «*Дочь – чужое сокровище*», «*Дочь – работница для чужого поля, ключница чужому отцу, ларечница чужой матери*». Немалую роль в отведении мальчикам первого и главного места в жизни сыграла и православная ориентация российской культуры. Со времен крещения Руси в X веке русская традиция последовательно впитывала общехристианское учение о нечистоте женщины, отношение к ней как к «сосуду греховному», виновнице изгнания первых людей из рая («от жены начало греха…»)[8]. Типичность желания обзавестись ребенком мужского пола – характерного для русского крестьянского быта – породила массу поверий о необходимости есть особую пищу (чтобы родился мальчик – надо есть больше «мужской», мясной, соленой и перченой пищи, а если пить в основном травяные чаи, есть овощи и поститься – полагали тогда, мальчика не сотворить, родится девочка). Будущих младенцев мужского пола, таким образом, изначально «поддерживали» белковой пищей,

которая укрепляла организм малыша (в случае хвори он оказывался заранее подготовленным к сопротивлению болезни), а девочки оказывались в менее благоприятном положении.

Однако, при всей предпочтительности по отношению к мальчикам в русской традиционной семейной культуре, в ней – в отличие от Западной Европы, мало примеров того, что от девочек старались избавляться (умертвлять ребенка нежеланного пола). Отголоски подобной практики в Европе мы легко можем найти в сказках, где маленьких девочек бедные родители (которые не в силах прокормить лишний рот) отводят в лес «на съеденье диким зверям».

Наконец, ребенок рождался. Сразу после его появления на свет – и уже в зависимости от пола – мальчику перерезали пуповину хлебным ножом или каким-нибудь другим мужским инструментом – плотницким, столярным, иногда это делали на чисто вымытом лезвии топора – также символизировавшем мужественность. Пуповину девочки обрезали портновскими ножницами (женский символ), да так, чтобы она упала на какую-нибудь «женскую» работу, например, на начатое шитье. Считалось, что тогда девочка вырастет домовитой хозяйкой и прилежной работницей. Иногда при обрезании пуповины девочки подкладывали гребенку или веретено или передавали друг другу тельце ребенка через прялку – чтобы всю жизнь умела хорошо прясть. Если практиковалось вначале перевязывание пуповины, то мальчику ее перевязвали волосами отца, скрученными с льняной пряжей, а девочке – волосами из косы матери[9].

Таким образом, практически с первой минуты появления малыша на свет начиналось «приписывание» его – родителями, повитухой, всеми помогавшими при родах – к определенному полу, а следовательно – и к определенным жизненным и семейным ролям. Дальше – больше. Каждый день новорожденного должен был закреплять начатое определение, «приписывание», категоризацию по признаку пола. Пришедший в крестьянскую избу и увидевший в углу люльку с младенцем, мог легко догадаться, какого пола в ней лежит ребенок. К люльке с девочкой привешивали – как оберег – маленькую прялку, а веретено или крохотный гре-

бешок клали рядом с нею[10]… Аналогично, рядом с люлькой мальчиков клались или подвешивались снизу мелкие «мужские» предметы.

Предпочтение, оказываемое мальчикам в старом русском крестьянском быту, доходило до того, что матери позволяли мальчишкам сосать грудь (а ведь всем известна целебная сила материнского молока!), когда они не просто вырастали из младенческого возраста, но уже бегали за пределами избы и двора. Сибирский этнограф Н.А. Костров сообщил в одной из своих публикаций 1881 года, что видел порой и 6-летних мальчишек, подбегавших к матерям, чтобы «пососать титьку»[11]. К мальчишкам у матерей в крестьянских семьях всегда сердце должно было «лежать иначе», потому что – «*Сын — домашний гость, а дочь в люди пойдёт***».** Действительно! Как говорит другое присловье: «*Дочь холь да корми, учи да стереги, а [она] людям снадобится*» (вариант: «*Сына корми — себе пригодится; дочь корми — людям снадобится*») – ясное дело, что мальчиков холили и лелеяли куда больше, чем девочек.

Как традиционное воспитание «конструировало» различия, а следовательно – неравенство полов

Традиционное деревенское воспитание детей «конструировало» социальные различия (а с ними и неравенство) полов сызмальства. Сопоставляя этнопедагогические традиции разных восточнославянских, да и не только славянских народов, можно найти немало специфичного, однако установка на дифференцированное воспитание мальчиков и девочек, на различия в их системе ценностей и жизненных ориентирах – практически, повсеместна.

1.Первая группа гендерных стереотипов – стереотипы «мужественности» и «женственности» воспроизводилась самим подтекстом крестьянского воспитания. Своими повседневными поступками, содержанием поведения любой из родителей, сверстников, соседей по сути дела постоянно объяснял ребенку, какая она, «долюшка женская» или что значит «быть мужиком».

Из *д е в о ч к и* должна была вырасти работящая, хозяйственная, бережливая, терпеливая, некрикливая (неболтливая), послушная, умеющая быть гостеприимной жена и мать. Среди воспоминаний о детстве, проведенном в крестьянских семьях, немало примеров того, как в девочках воспитывалось прилежание, терпение и бережливость. Например, в одном из таких воспоминаний – томской крестьянки А.М. Михалевой – описано, как ее бабушка давала ей задание развязывать узелки на старых веревках. Так их приходилось часами «поливать горячей водой и распутывать шильцем» (так вопитывали терпение!). Что и говорить о кулинарных навыках! К 13-годам эта девочка уже умела «из одного теста десять блюд сготовить»[12]. Другая девочка, ставшая впоследствии сельской учительницей, А.В. Трифонова, оставила воспоминания о том, как ей «мать показывала, как правильно мыть пол: промывать каждую щель, плинтусы. Как правильно держать косарь – нож для скобления лавок – чтобы не оставалось полос…»[13].

К тому, что девочка рождена для того, чтобы спустя срок, выйти замуж и создать свою семью, приучали с первых колыбельных:

«Спи-ко, девица, спи, красавица,
Спи-ко в камке – пробудись в тафте,
Пробудись в тафте, в алом бархате…
Вырастешь большая – станем замуж отдавать,
Станем замуж отдавать – вместе станем пропивать…»[14].

Чуть девочка подрастала – до ее сознания начинал доходить смысл пословиц: «*С мужем – нужа, а без мужа и того хуже*», «*Не найдешь паренька – выйдешь замуж и за пенька!*» – то есть девочке постоянно внушали: счастливой можно стать, только если ты будешь в браке, если у тебя будет законный муж.

С первостепенностью вопроса о замужестве было связано и стремление вырастить красивую девочку. Русская народная культура – как и все европейские, да и восточные – была проникнута сексистскими предрассудками. Девочка – девушка – женщина должна была удовлетворять эстетические и сексуальные потребности мужчин. Своей озабоченностью внешним видом девочки, постоянными обращениями (типа «Ты – моя красавица!») мать и

другие пестуньи все время убеждали малышку, что быть внешне привлекательной – очень важно (кстати сказать, с красотой у русских в первую очередь связывались дородность, здоровье, высокий рост, свежая кожа). Старшие подружки, сестры, соседки передавали девочке свои навыки усовершенствования внешних данных: как подчернить брови жженой пробкой, нарумянить щеки травой-роснянкой или свекольным соком, завить волосы на каленом гвозде или шпильке[15]... Внимание девочки постоянно направлялось на те предметы и игрушки, на которые ей стоит обратить внимание именно потому, что они соответствуют ее полу (зеркальца, расчесочки, посуду). И, наконец, именно девочек особенно часто просили помочь по хозяйству, по дому, показывая тот основной круг дел и навыков, которые ей в будущем предстоит усвоить.

Все содержание фольклорных произведений было направлено на разведение, разделение жизненных перспектив мальчиков и девочек.

Мальчишкам пели:		А девочкам пели:
Расти, казак,	Расти – веселый,	Будь здорова, как вода,
Пригож, богат	Расти – здоровый,	Будь богата, как земля,
Силён, смышлён	Расти – учён,	Будь красна, как весна,
Красой наделён!	Будь богачем!	Чтобы было тебе легко!

Казалось бы: ну и что плохого стоит за этими благопожеланиями? А они – разные для девочек и мальчиков. Стереотип мужественности включал в себя – согласно крестьянским представлениям, выраженным в колыбельной для мальчика, – «веселость», «здоровье», «силу», «смышленость», «материальное благополучие» (богатство), реже – «красу» (красоту). Стереотип женственности предполагал во всех, практически, текстах – «красоту», «здоровье», «нетяжелую жизнь». То есть девочкам не желали ни учености, ни смышлености, ни силы (а почему, собственно? Сила и здоровье – основа жизненной устойчивости и для женщин тоже!). А будущим мужчинам, которым желали смышлености и жизненной удачи, как-то было не принято желать легкой жизни. Мальчикам в числе благопожеланий желали освоить обычные мужские специальности:

Спи, сыночек, спи, родной,
А как вырастешь большой –
Будешь лес рубить, будешь рыбку ловить,
И тетерку ловить, татку-мамку кормить…

В иных вариантах песни перечисления были из того же ряда: «будешь жать и косить, будешь сено носить, на зародики метать, да и возики возить…». Для девочки же состав благопожеланий был весьма узким («будешь в гости ходить»), зато педалировалась тема внешности («золотиночка моя, красотиночка моя, жемчужиночка моя…»).

Девочка в традиционной семье должна была сызмальства научиться слушать вначале старших, а затем – мужа. С детства она слышала поговорку: «*Баба – что мешок, что положишь, то и несет*» – и внимала тому, что в нее могут «положить» любое знание или мнение, а потому должна будет разделять его. А любое сопротивление, перекор – наказуемы («*Бабий быт – завсегда он бит*»). Масса русских пословиц свидетельствует о том, что даже маленького мужичка учили «не давать бабе воли» («*Жене волю дать – добра не видать*»); будущий мужчина с детства обучался все решения принимать волевым образом, а будущая женщина понимала с детства, что ее жизненное пространство навсегда будет ограничено, замкнуто («*Мужик на дворе – баба в избе*»).

Огромное количество пословиц, поговорок и присловий внушало девочкам (да и мальчикам тоже!) стереотипное восприятие ряда характерологических качеств, якобы всегда присущих женщинам и привычно считающихся женскими. Это – вздорный и непредсказуемый нрав, коварство, болтливость («*Ехал бы прямо – да жена упряма*», «*Жена ублажает – лихо замышляет*», «*Мужичий ум говорит ‘надо’, бабий ум говорит ‘хочу’*»). И девочка должна была выстраивать свой характер, чтобы не подтвердить это опасение (изначальные ожидания от нее «неправильного» поведения), ей надо было все время казаться лучше, чем принято считать и говорить о женщинах – только для того, чтобы быть принятой миром вокруг ее, не почувствовать себя лишней и ненужной.

М а л ь ч и к не должен был ни в чем напоминать девочку. С детства он слышал, что многое из того, что зовется «бабьим» – есть недостойное или неполноценное («*Бабьи умы разоряют домы*», «*У бабы волос долог, да ум короток*») [у нас, сегодняшних, нет сомнения в том, что такие поговорки и присловья сочинялись мужчинами и ими же повторялись, но люди прошлого вряд ли задумывались об авторстве подобных мудростей!].

Мальчика учили с детства, что плакать – это дело женское («*Женский обычай – слезами в беде помогать*»), но никто не объяснял ему, как же себя вести в тех случаях, когда плакать нельзя – он моделировал свою жизнь по подобию, по аналогии с другими сверстниками или ребятишками постарше его. Грубоватость в мальчиках приветствовалась – не случайно, «мужчины забавлялись с мальчишками тем, что учили их говорить самые грязные, бранные слова, то есть ‘выражатца’». («Грубые скабрезные шутки вставляются то и дело – все смеются, смеются и дети…»[16]). Мальчики легко усваивали – общаясь со старшими братьями и видя соседей – что от них требуется известная наступательность, как любили говорить сами крестьяне – «ухарство», желательно дополненная умением помахать кулаками. Так что потребность и умение «мериться силой», драться считались положительными качествами, и деревня их воспитывала в мальчишках самим образом повседневной жизни[17].

Не лишним считалось и попугать маленьких мальчиков – «чтоб росли бесстрашными», и мало кого тревожило то, что нервные дети от этого могли стать заиками, бояться темноты и т.д.[18] Не редким было и рукоприкладство отцов по отношению к сыновьям: «*Кулаком в спину – вот приголубье сыну*», «*Ненаказанный сын – бесчестие отцу*». Домашнее насилие в семье – в особенности по отношению к сыновьям – было делом обыденным. Немалую роль в воспитании маленьких мальчиков играли их старшие братья («Чуть дети подрастут – сами друг друга поднимают», – так говорили в сибирской деревне[19]) – именно с них те, кто помладше, брали образцы «мужского» поведения и, кстати говоря, перепроверяли избранную модель его и утверждались в ней. Не случайно говорили: «*Один сын – не сын, два сына –*

полсына, три сына – весь сын», то есть лишь трижды повторенный опыт мужского воспитания действительно прочно закреплял его[20].

К старшему мальчику к тому же относились как пожизненному члену домохозяйства, главному наследнику семейного имущества («земельной душе») – поэтому он безусловно оказывался в лучшем положении в семье, по сравнению с сестрами. И ему особенно часто напоминали о том, что он отличен от женской части семьи, не похож «на бабу».

Во всех крестьянских семьях из поколения в поколение воспроизводился баланс «суровый отец/заботливая мать». В очень многих воспоминаниях отец описывается как человек властный, заставляющий детей бояться себя, а мать – как добрая покровительница[21], короче это выразила русская поговорка: «*Где строгость – там и милость*».

Из года в год, из века в век в сознании людей разного пола поддерживалась идея «различия» полов и их природного якобы (!) «взаимодополнения». Таким образом, крестьянский мир воспроизводил миф и заставлял верить в его «естественность».

2. Вторая группа гендерных стереотипов – «распределение ролей», недопустимость их смешения или замещения – также внушалась детям с раннего возраста.

Женщина, «баба» – внушалось не без иронии издревле – это «не-совсем-человек», «пол-человека». Кто не знает этих присловий: «*Курица – не птица, баба – не человек*», «*Гляжу – идут двое, ан – это мужик с бабой*»… Признание превосходства женщины над мужчиной, жены над мужем всегда осуждалось: «*Не муж в мужех, кем жена владает*».

Девочка слышала сызмальства, что «*Бабья дорога – от печи до порога*» – и уже не очень-то и надеялась изменить тот образ жизни, который был уделом ее матери, сестер, бабушки. «*Мужик да собака – всегда во дворе, баба и кошка – всегда в избе*» – вот как говаривали воспитатели девочки, и ей уже казалось и зазорным, и страшным покинуть и избу, и двор и попробовать поискать счастья где-то далеко от своей деревни. Это только в сказках

маленькие девочки и брошенные невестушки отправлялись искать своих братьев да суженых за тридевять земель – а обычная жизнь ничего такого не допускала.

Ко времени замужества девочка должна была четко знать «свою роль» и не претендовать на помощь в ее выполнении.

«Как родился первый ребенок, муж мне пеленки не стирал, сама все успевала. А если бы меня девочкой не приучили к такой работе, кто бы меня замуж-то взял?» – так рассуждали обычные крестьянки[22]. Здесь примечательно само слово «взял»! Потому что стереотип мужского и женского поведения всегда предполагал активность мужского выбора («взял за себя в жены») и пассивное согласие женщины. Проиллюстрируем это известным присловьем для игры с малышом, посаженным на коленку:

Кок, кок, кок, кок, // Молодой ездок,
По водичку пошел – молодичку нашёл,
Молодичинка, невеличинка, // Сама с вершок, голова с горшок!

Примечательно и то, что отец – выдавая дочь замуж – говаривал молодому зятю: «*Не в рабы* (отдаю – Н.П.), а *в помощницы*». Но ведь не в хозяйки, не в подруги, не начальствовать! «*Жене старейшиною быти не даст вещей закон*» – говорилось в старом русском сборнике нравоучительных высказываний. Дочка, воспитанная одной матерью (вдовой) считалась… неполноценной именно потому, что росла без «отцовского глазу» и потому могла быть «избалована» самостоятельностью, умением и желанием самостоятельно принимать решения. Потому и присловье бытовало: «*Не купи у попа корову, не бери у вдовы дочь*»[23].

В целом же воспроизводство семейной и общественной половых ролей было жестко «специализировано»: мать обучала девочек, отец – мальчиков (за исключением раннего возраста, до 3 лет, когда все дети, вне зависимости от пола, были «на руках» у пестуний – нянек, мам, бабушек, тетушек, сестер, короче – женщин). Любопытно, что в те времена даже существовала поговорка (записанная на Енисее): «*Сказала папаше: дело не ваше, мамаша придет – сама разберет*», показывающая, что в воспитание дочек даже отцу – главе семьи – вмешиваться было не принято[24]. Девичьи игрушки были жестко отделены от мальчишечьих; де-

вочки играли в куклы, имели подобия прялок и кукольной мебели, посуды и утвари, мальчикам дарили модели оружия и сельскохозяйственных орудий[25]. Поэтому по крайней мере до 5–6 летнего возраста дети просто имитировали жизнь взрослых. С возраста 5–6 лет начиналось направленное, осознанное, систематическое обучение «женской» и «мужской» социальным ролям.

Воспитание мальчиков предполагало постоянное внушение представлений об истинно мужских обязанностях – о том, чтобы работать, как следует, чтобы быть в силах семью содержать. Только тех из сыновей, кто был слаб здоровьем, «убог», – родители-крестьяне могли освободить от тяжкой рабочей повинности и направить, скажем, учиться грамоте. Сильные и здоровые братья завидовали таким «дурачкам» – но ослушаться не смели, а безропотно (как это и было заведено) слушались старших мужчин в доме и обучались у них разным крестьянским умениям[26].

Велико было значение образа отца в воспитании мальчика. Практически все, кто описывают «старые времена» (причем речь идет и о крестьянском, и о дворянском воспитании), обычно замечают, что отцам – в связи с их занятостью вне семьи – «приходилось мало находиться дома, при детях»[27]. Однако руководящая роль отца для подрастающего сына обусловливалась его высоким авторитетом умелого работника, заступника семьи перед посторонними, уважаемого члена сельского сообщества. Сыновьям *хотелось* быть похожими на него – стать властными, самостоятельными защитниками и добытчиками. Однако, помимо авторитета, отец обладал еще и полной собственностью на то, что было в доме, а также на сам дом. Все члены семьи оказывались в зависимости от этого человека, так что авторитет его мог быть экономически объяснимым. Когда же мальчик не походил и не хотел походить на отца, особенно уважаемого соседями и родственниками, – это рассматривалось как педагогический просчет («*Глупому сыну отцовский живот не в помощь*») и было предметом насмешек.

Жесткое разделение по полу, четкое соблюдение «мужской» и «женской» ролей было характерно не только для будней, но и для праздничных дней. У девочек были свои развлечения, у мальчи-

ков – свои, в некоторых областях даже колядовать (петь песни в рождественские дни) мальчики ходили к друзьям, а девочки – к подружкам[28].

3. Третья группа гендерных стереотипов – «содержание труда» – предполагала ориентацию девочек на женскую домашнюю работу, а мальчиков – на выполнение мужских обязанностей по дому и вне дома. Уже первые колыбельные песенки навязчиво перечисляли строгий круг мужских и женских домашних обязанностей:

Зыбаю- зыбаю, отец ушел за рыбою,
Мать ушла пеленки мыть, бабушка – уху варить…

В вариантах встречалось: «…мать – коровушку доить, сестра – теленочка поить», «дедушка – дрова рубить», «мать пошла кошель таскать – Галя рыбу собирать» – но женские и мужские обязанности никогда не смешивались![29]. Даже в таком варианте окончания песенки как: «Бабушка у печки блинчики печет, дедушка на печке бородой трясет…» слышится привычное для крестьянского быта обыкновение – «право» мужчины (дедушки) на заслуженный отдых, и «право» бабушки обслуживать всю семью, готовя пищу!

Знания об объеме своих обязанностей как трудовой единицы (причем, как правило, касающиеся женской части домашней работы – готовки, прядения, вязания и т.д.) девочка обретала в общении, прежде всего – с матерью, а также с сестрами, подружками. Это отразилось и в лирических песнях:

Научи меня, мати, как белый лен полоть,
Научи меня, мати, как белый лен дергать…[30].

Специального внесемейного образования для девочек из трудовых семей в России не было почти до самого большевистского переворота – обученным чему-либо, кроме домашней работы, считалось, должен быть парень. Все колыбельные для девочек перечисляли только области женской домашней работы:

Баю-баю девушку, на поляне жнеюшку,
На лужку грабеюшку, у стола стряпеюшку,
У окошка швеюшку![31].

Этнографические описания жизни детей в крестьянских семьях начала XX века содержат перечень работ, которые должны были уметь выполнить ребятишки – говоря по-современному – «дошкольного возраста».

Как уже говорилось, до 3–5 лет дети обоего пола *имитировали* роли мужчин и женщин, играя во взрослый труд. С 5-летнего возраста игра превращалась в *систематическое обучение*. «*В год ползун, в три – бегун, в пять – запрягать можно*». Наконец, в подростковом возрасте то, что было приобретено в семье, закреплялось навеки общественным мнением. Если в правоте родных еще можно было в глубине души усомниться, то общественное мнение раз и навсегда убеждало в вечности и правильности сложившейся традиции: «*Учитесь, детушки, дома: в люди пойдете, самим трудно – а людям смешно*» – поучали родители.

Девочки в 5–6 лет уже няньчились с младшими братьями и сестрами, кормили и ставили воду курам, цыплятам, гоняли уток и гусей (утром – на реку или пруд, вечером – обратно), по весне делали грядки в огороде, сажали овощи, поливали их летом. К 5-летнему возрасту крестьянская девочка уже умела прекрасно обращаться с пряжей, сучить, прясть, ткать, 6–8-летних матери брали с собой на реку полоскать белье (а делалось это в любую погоду), а летом – посылали по ягоды. Обычай раннего приучения девочек к женскому труду перерастал иногда в суеверия: считалось, например, что пока девочка сама не сошьет себе целую рубаху («борошницу» – вышитую рубашку) – «до тех пор болеть будет» детскими болезнями[32]. Маленькие девочки собирались на свои дневные посиделки с прядевом (по вечерам, с большими, 14–18-летними девушками им сидеть не разрешали). Такие девчоночьи посиделки продолжались обычно от октября (с Покрова дня, 14 октября) до Масленицы. В дни масленичных гуляний девчушки обычно устраивали катания с гор на своих прялках, используя их как досточки, а вечером взрослые складывали для них костерок и сжигали отбросы от прядева как символ окончания (до осени!) длительной и, в сущности, недетской работы[33]. Мальчишки в таком проведении досуга (казалось бы, вполне могущего допустить их озорство!) участия не принимали.

Отец уже с 4-х лет обычно учил мальчика заламывать кусты и собирать нарубленные дрова, зачастую брал на пашню, сажал на лошадь во время пахоты; был такой специальный обряд, сопровождавшийся словами: «Постригайся, (имярек), с ребячьего стана да в мужскую славу!»[34].

В 5–6 лет мальчики уже умели сами ездить верхом, загонять скот, вовсю помогали на огороде – копали грядки, убирали урожай, боронили вскопанное, помогали на лесоповале, нося инструмент и легкие сучья, ворошили сено… «К 12 годам мальчик – настоящий пахарь». В 7–8 лет мальчишка в крестьянской семье должен был уже не только выполнять обязанности «копновоза» на сенокосе, бороноволока на бороновании[35], но и, скажем, плести лапти, ловко и быстро рубить дрова[36].

Мужские и женские работы были строго разделены в крестьянском быту, однако же в песнях и в тех же сказках нам нередко встречаются примеры так называемой «смены гендерных ролей» – описания того, как женщины выполняли мужскую работу, а мужчины – женскую. С одной стороны, такие примеры – типичные случаи фольклорных перевертышей.

Самый известный –

Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота,
Выскочила палка с бабою в руке –
И давай дубасить коня на мужике…

Здесь трудно не отметить, что «палка с бабою в руке», решившая издубасить «коня на мужике» выглядит такой же нелепостью, как едущая деревня!

С другой стороны, упоминание о всех сменах гендерных ролей – это и отражение исключительных случаев, с которыми надо было как-то справляться, как-то учитывать. Ведь живой крестьянский быт предполагал и требовал разнообразных умений – мужик должен был уметь не только выполнить обычные мужские работы, но и принять отел, подоить, приготовить нехитрую еду, подлатать одежду (то есть выполнить работу, считающуюся женской). Аналогично, соломенным вдовам, у которых мужей забрали в армию, а также оставшимся без мужиков-кормильцев жен-

щинам также приходилось осваивать какие-то мужские умения, вплоть до пахоты и строительных дел. «Баба, помимо женских работ, исполняет и мужские…» – рассказывали старожилы, но «мужчина не захочет копать огород, брать лен, жать...»[37].

Дети видели умения родителей и подражали им – иногда обучаясь и не свойственным их полу навыкам. Однако общая направленность воспитания была все-таки на сохранение традиционного содержания «женского» и «мужского» труда. «*Не быть курице петухом, не быть бабе мужиком*» – вот как резюмировала этот воспитательный подход русская пословица. И – как правило – как ни нелегко было, а смены женских и мужских ролей в крестьянском мире старались избегать. Есть данные, что в ряде русских губерний (например, в Вятской) забивание скота и птицы женской рукой считалось грехом, а потому женщины делали это (если не было рядом мужчин) руками 3–4-летних мальчиков – лишь бы не нарушать запрета[38].

Содержание воспитания в крестьянских семьях – как теперь бы сказали, традиционная воспитательная парадигма – имело прагматичную подоснову: конкретная семья и крестьянский «мир» хотели как можно быстрее вырастить из ребенка нового работника, который бы не выделялся из общей массы. Воспитатели в крестьянской семье (от мамок и нянек до бабушек и вообще стариков) практически не менялись сами и не ставили перед собой никаких задач самосовершенствования, например, умения встать на точку зрения ребенка – поэтому и от самих детей в традиционных семьях требовалось одно: подражать старшим, быть на них похожими, честно выполнять заданную жизненую роль. Потребность детей и взрослых в развитии личных, неутилитарных отношений была вторичной по сравнению с практическими задачами. Традиционная педагогика культивировала взгляд на ребенка как на объект приложения сил воспитателей. На досуг времени почти не оставалось, а игра – как основной вид детской деятельности – ущемлялась во времени и жестко регламентировалась взрослыми.

Традиционные детские игры как механизм формирования стереотипов

Когда дети в своих играх воспроизводили манеру поведения взрослых, мальчики – мужчин (которые распоряжались, настаивали, направляли), а девочки – женщин (которые готовили еду, стирали, отправлялись за водой и на покос и т.д.) – это подражание неизменно поощрялось взрослыми[39]. Участие мальчиков в мальчишечьих играх, а девочек – в девчоночьих поощрялось не только взрослыми, но и – особенно – сверстниками[40].

Досуг, считавшийся «мальчишечьим» (строительство снежных городков, игры в казаков-разбойников) не предполагал участия в играх девочек и наоборот: невозможно было представить себе мальчика за прядением в девичьей светелке или шьющего себе куклу[41].

Повседневные игры мальчиков и девочек в неменьшей степени, чем серьезная помощь взрослым, формировали стереотипное распределение жизненных ролей. Мальчишечьи игры выковывали мужские эмоции и волевые качества – выносливость, упорство, умение постоять за себя и друга, стремление к победе, великодушие к побежденному.

Писатель Виктор Астафьев вспоминал, что как-то в детстве три дня не мог «отголиться» при игре в кол (разновидность пряталок). Даже будучи нездоровым, бросить игру он не мог: неписанными правилами за это предусматривалось суровое наказание – «катание на колу», да и среди сверстников не было бы ему затем прохода. «И когда мне в жизни становилось или становится невмоготу, я вспоминаю игру в кол, одолеваю беду или преграду…» – вспоминает он[42].

Девичьи игры раннего возраста были более ориентированы на женский, материнский труд, нежели мальчишечьи – на мужской. Только что родившейся девочке принято было дарить прялку, так что в 3 года многие малышки уже умели крутить волну. Для девочки 5–6 лет большую роль играли куклы – родители не опасались давать иголку таким маленьким детям, так что одежда для кукол очень часто шилась как раз детьми. Поскольку до этого

возраста, а то и до 6–8 лет мальчики и девочки носили практически одинаковую одежду – рубашку, постольку шить рубашки девочки обучались очень рано[43], столь же рано, как мальчики – строгать, пилить, мастерить по хозяйству.

Фольклорные потешки также четко разделяли мальчиков и девочек по их будущей профессиональной ориентации:

Для мальчиков:

Ай, Ванька, дружок,
Подкуй сапожок!
Куй, куй чеботок,
Подай, Петя, молоток!

Уж как вырастешь большой,
Будешь во поле ходить,
Поле будешь боронить!
Татке будешь помогать
Жито во снопы метать,
Будешь на гумно возить
Хлебушко-то молотить…

Для девочек:

Кудели-кудели, куда Машу дели?
На святой неделе – куда Машу дели?
Никуда не дели!
Пряжу мотали, бабе помогали!

Подводя итоги и оценивая традиционное воспитание детей разного пола в русских семьях прошлого, отметим, что именно в русском фольклоре, особенно пословичном, можно, казалось бы, найти немало примеров смены гендерных ролей. Однако не случайно и то, что именно эти пословицы малоизвестны, не слишком популярны в современном обиходе, да и не совсем ясно, насколько широко они бытовали ранее. Такие присловья, как «*Жена мужа не бьет – под свой норов ведет*», «*Баба- ай-ай, да муж у нее малахай*», «*Женский ум лучше всяких дум*». Кто не знает присловья «*Утро вечера мудренее*», но мало, кто знает продолжение: «*Утро вечера мудренее – жена мужа удалее*». Все эти присловья и пословицы отражают, по всей видимости, реальную жизнь, в которой бывало, как и сейчас, всякое, но общая тенденция была такой, какой мы ее очертили вначале: из девочек надо было вырастить неполноправных «служанок по призванию», из мальчиков – кормильцев, защитников, глав семейств.

И занимались этим в первую очередь родители – «властелины над своими детьми природныя»[44], причем власть родительская в стародавние времена распространялась и на выросших, совершеннолетних, а зачастую и имеющих свои семьи сыновей и дочерей. Дети обязывались жить «обче» с родителями и могли отделяться только с их согласия – разумеется, в таких условиях трудно было помыслить какое-то отступление от правил и стереотипов.

«Наши отцы и деды делали так же, что же мы будем выдумывать и грешить…» (возможен ли отход от традиционного в условиях социальной модернизации)?

Воспитание «по традиции», как делали многие поколения до них, было императивом крестьянской народной педагогики. У родителей в то время выбора не было: те, кто воспитывал деток «не так, как все», по-своему – осуждался крестьянским миром. О таких насмешливо говорили: «*Жили – не жители и помрете – не родители*».

Такой перспективы никто себе не желал.

К тому же традиционный тип воспитания, характерный для русской деревни XIX – начала XX в., естественным образом примирял все разногласия между родителями и окружающими, если таковые возникали. Крестьяне рассуждали так: «Наши отцы, деды и прадеды делали так же, как мы делаем, и изжили века свои еще лучше нас… Что же мы будем выдумывать и грешить?»[45]. Ориентация на «старину» как на образец логично влекла за собой стремление вырастить «послухмянного» (почтительного, конформного) члена общества. Ведь как говорили тогда: «*Наши деды и отцы того не делали, да и нам не велели*», «*Наши отцы и деды не знали этого – а жили не хуже нашего*». Старшие оценивали успешность своей воспитательной работы по тому, насколько удалось передать молодым свои знания и умения (трудиться – в первую очередь), а также навыки, ценности. Детей готовили к жизни в обществе, которое – молчаливо предполагалось – в главных чертах будет похоже на тот мир, в котором жили их родители.

Каковы же были пути изменений, модернизации в такой консервативной области как семейное воспитание? Необходимо ли сейчас ориентироваться на традиционное и повторять выработанное и проверенное веками? Прежде всего, отметим: социальные изменения – хотим мы того или нет – столь быстры и значительны, что уже никто не сомневается: нашим детям придется жить в мире, ***не*** похожем на тот, в котором жили их родители. Между тем, в педагогических статьях самого последнего времени то и дело проскальзывает умильное любование русской крестьянской «этнопедагогической традицией» в современном воспитании. В частности, например, специалист по русской традиционной педагогике Г.Н. Волков, перечисляя особенности народного воспитания (естественность, действенность, непрерывность, раннее начало, полноту педагогического цикла, комбинированность воздействия, иерархизированность отношений и выводов, индивидуально-дифференцированный подход)[46], видит во всех них лишь позитивную составляющую. Между тем, всё, перечисленное историком педагогики, служит так или иначе формированию стереотипов.

В этом смысле традиционное воспитание идет рука об руку с направлением усилий некоторых деятелей Русской Православной Церкви. Пять лет тому назад митрополит Ленинградский и Ладожский Иоанн (Снычев) опубликовал обращение к народу, призвав «*отвергнуть современный культ индивидуализма*» и «*всемерно возрождать общинные традиции*, опираясь на вековые корни российского патриотизма…»[47]. Но если принимать в расчет все-таки не традиционные, а модернизированные ценности (воспитание Индивидуальностей и Личностей, а не членов общины, имеющих – вне зависимости от пола – равное право на выбор жизненной стратегии[48] – тогда идея изначального «разведения», противоположности ролей и функций разных полов, на которой основывается традиционная русская педагогика, должна стать материалом для переосмысления. Искоренить сексистские стереотипы в один прием, одним решением или постановлением невозможно. Нужна скоординированная совокупность множества мер, и история изменений воспитательных ориентиров в русской

крестьянской семье, анализ примеров ломок традиционных гендерных ролей могут стать основой для формирования новой воспитательной политики.

С этой точки зрения исследования историков и этнографов, касающиеся традиций и инноваций, их вписывания в контекст «старой» и «модернизированной» России могут приобрести не только научное значение, но и вполне практическую ориентацию.

---

[1] Статья написана в рамках научного проекта, поддержанного Фондом Кэтрин и Джона МакАртуров (№ 01-68118-000) и Российским Гуманитарным Научным Фондом (№ 01-01-00071а).

[2] *Клецина И.С.* Гендерная социализация. СПб., 1998. С. 19–20.

[3] Последнее из качеств в русской пословичной культуре характеризует присловье: «*Семеро топоров рядом, а две прялки врозь*» – то есть предметы мужского труда могу лежать рядом, а даже два предмета труда женского – никогда.

[4] *McKee J.P., Sherriffs A.C.* The differential evaluation of males and females // Journal of Personal and Social Psychology. 1957. № 25. P. 356–371.

[5] *Каган В.Е.* Семейные и полоролевые установки у подростков // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 54.

[6] *Кон И.С.* Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 7–8.

[7] Подробнее см.: *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 1988.

[8] Подробнее см.: *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989; *ее же.* Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России X – начало XIX в.: невеста, жена, любовница. М., 1997.

[9] *Zelenin D.K.* Russische (ostslawische) Volkskunde. Berlin – Leipzig, 1927. S. 292–293.

[10] *Лаврентьева Л.С.* Социализация девочек в русской деревне // Мир детства в традиционной культуре народов СССР. Сб. научных трудов / Отв. ред. А.Б.Островский. Л., 1991. С. 29.

[11] *Костров Н.А.* Первоначальное физическое воспитание детей в населении Томской губернии // Сибирь. 1881. 24 мая. С. 5–6.

[12] *Михалева А.М.* До поздней ноченьки // Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири в конце XIX – начале XX в. / Отв. ред. Зверев В.А. Новосибирск, 1993. С. 25.

[13] Там же. С. 185.

[14] Потешки, считалки, небылицы. Фольклор для детей / Сост. А.Н. Мартынова. М., 1997. № 166. С. 73.

[15] РЭМ. Ф.7. Оп. 2. Д. 131. Л. 5–6.

[16] *Козьмин Н.Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С. 183.

[17] РЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 131. Л. 4–6 (Вологодский уезд и губ.)

[18] *Красноженова М.В.* Ребенок в крестьянском быту // Красен человек ученьем. Материалы о воспитании и образовании детей. Конец XIX – начало XX в. / Отв. ред. В.А. Зверев. Новосибирск, 1995. С. 13 (по тексту 1903 г.).

[19] *Горелов В.А.* Структура и численный состав семьи // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. 1. С. 98.

[20] *Зверев В.А.* Дети – отцам замена. С. 171.

[21] *Козьмин Н.П.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С. 183; *Зверев В.А.* Дети – отцам замена. С. 169.

[22] *Михалева А.М.* Указ. соч. С. 26.

[23] Варианты: «У ямщика лошадь изломана, у вдовы дочь избалована», «У ямщика лошадь надсажена, у вдовы дочка наважена» (В.И. Даль). Толкование см.: *Зверев В.А*. Дети – отцам замена... С. 170.

[24] В.А. Зверев ссылается на записи поговорок, хранящиеся в ИРЛИ. См.: *Зверев В.А.* Дети – отцам замена... С. 187.

[25] Игры народов СССР. М.;Л., 1933. С. 318, 363, 490–497.

[26] *Волосников В.К.* Спасибо за отцовскую науку // Красен человек ученьем. Материалы о воспитании и образовании детей. Конец

XIX – начало XX в. / Отв. ред. В.А. Зверев. Новосибирск, 1995. С. 28.

[27] Цит по: *Зверев В.А.* Дети – отцам замена. С. 186.

[28] *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 168.

[29] Потешки, считалки, небылицы. Фольклор для детей. С. 63.

[30] Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970. С. 303–306.

[31] Детский быт и фольклор / Отв. ред. О.И. Капица. Л., 1930. С. 61.

[32] Материалы из личного архива Т.Б. Щепанской цит. по: *Лаврентьева Л.С.* Социализация девочек… С. 32.

[33] *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956. С. 489.

[34] Белорусские песни, собранные И.И. Носовичем // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1873. Т. 5. № 60. С. 196.

[35] *Березина Т.И.* Трудовое воспитание в народной педагогике русских крестьян Сибири (1861–1917 гг.). Автореф. дисс… канд. ист. наук. Новосибирск, 1991. С. 18.

[36] *Федоров В.А.* Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8 (история). 1994. № 4. С. 20.

[37] *Бернштам Т.А.* Указ. соч. С. 129.

[38] РЭМ. Ф. 7. Яранский у. Д. 452. Л. 211.

[39] Современные исследования детских игр показывают, что дети 4–5 лет особенно охотно воображают себя родителями, перенимая манеру их поведения и установки. См.: *Bandura A.* The Role of modeling prosesses in personality development // Gelfand D.M. (ed.) Social Learning in Childhood. California, 1975. P. 183–193. Именно в этом возрасте дети ощущают, что за соответствующее их полу поведение их чаще поощряют и реже критикуют: Perry D.G., Bussey K. The Social Learning Theory of Sex Differences: Immitation is alive and well // Journal for Personal and Social Psychology. 1979. V. 37. P. 1699–1712.

[40] Сверстники как агенты социализации оказывают огромное влияние на детей 3–6 лет, подкрепляя (осуждая) типичное (или нетипичное) для данного пола поведение друг друга. См.: Lamb M.E., Roopnarine J.L. (ed.) Peer influences on sex-role development in preschoolers // Child Development. 1979. V. 50. P. 1237–1248.

[41] *Красноженова М.В.* Указ. соч. С. 15 (по тексту 1903 г.)

[42] *Астафьев В.П.* Последний поклон // Астафьев В.П. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 3. М., 1992. С. 222.

[43] *Бернштам Т.А.* Указ. соч. С. 57.

[44] Из наставления для волостных судов 1780 г. Цит. по: *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1979. С. 139.

[45] Несколько слов об экономическом положении восточносибирских земледельцев // Сибирь. 1882. 22 августа. Цит. по: *Зверев В.А.* Дети – отцам замена… С. 154.

[46] *Волков Г.Н.* Этнопедагогическая концепция современного национального образования и воспитания // Вестник УРАО. 1999. № 1. С. 17. Отмечу, что ниже автором приводится – опять-таки как черта народного воспитания! – такая его характеристика как «альтернативность», но в существование альтернатив в русском народном семейном воспитании верится с трудом.

[47] Цит. по: Волков Г.Н. Указ. соч. С. 22.

[48] Данное высказывание принадлежит перу выдающейся исследовательницы, автора концепции андрогинии в американской психологии С. Бэм. См.: *Bem S.* The measurement of psychological androgyny // Journal of Consult. and Clinical Psychology. 1974. V. 31. P. 634–643.